

Диверсия высочайшего уровня

Автор:

Александр Афанасьев

Диверсия высочайшего уровня

Александр Афанасьев

Спецназ. Группа Антитеррор

С миссией особой важности в Киев нелегально отправляется офицер ГРУ. Разведчику высочайшего класса поставлена задача завербовать бывшего суперагента ГРУ по кличке Лазарь, а в случае, если тот откажется – уничтожить его. Разведчик прибывает в украинскую столицу и пытается выйти на Лазаря, но суперагент сам приходит в гостиницу к Разведчику. Он догадывается, для чего приехал Разведчик; Лазарь все подмечает и просчитывает даже сложные многоходовые комбинации. Но ни он, ни Разведчик пока не знают, враги они или друзья. Начинается тонкая психологическая игра. Разведчик заявляет, что собирается убить руководителя украинской разведки Московенко, и просит Лазаря достать ему снайперскую винтовку. Лазарь обещает. В ледяных глазах двух бывших коллег не увидеть ни чувств, ни настроений, ни намерений. Но каждый из них уже начал свою игру и сделал первый шаг. Следующий ход – за Разведчиком...

Александр Афанасьев

Диверсия высочайшего уровня

© Афанасьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Прежние цивилизации утверждали, что они основаны на любви и справедливости. Наша основана на ненависти. В нашем мире не будет иных чувств, кроме страха, гнева, торжества и самоуничтожения. Все остальные мы истребим – все.

Дж. Оруэлл

«1984»

Автор предупреждает: все события и персонажи в книге являются вымышленными, возможные совпадения – непреднамеренными. Если названия организаций и имена частных лиц совпадут с реально существующими – это не более чем случайность. Автор не имеет никакой информации о действиях и намерениях, о переговорах и договоренностях Газпрома или любой другой российской компании на Украине.

Москва, Россия

01 марта 2016 года

В Москву я возвращался рейсом через Лондон.

Из Карачи – в Хитроу, перекресток миров, один из самых загруженных аэропортов планеты, и тут же «Трансаэро», рейс до Домодедова. Из лукавого и опасного Бейрута – в Лондон, один из мировых городов. Оттуда – в родную, наглуую и хамскую, с грязными сугробами и столпотворением машин во дворах, но такую родную Москву. И все это менее чем за сутки.

Домодедово встречал меня полупустыми залами, новыми ценниками в обменках, странным отсутствием очередей. Кризис, однако. Курс доллара подскочил за два года почти втрое, рухнула цена на нефть.

Эти трагические события выбили из привычной житейской колеи миллионы офисных хомячков, доселе двигавшихся по, казалось бы, незыблемой траектории: работа – дом – работа или ночной клуб. Дважды в год какой-нибудь тур. Турция уже не считается, это для быдла. Сейшелы, Маврикий – вот это самое оно. В промежутках солярий, бассейн, спортклуб по корпоративной карточке, иномарка, взятая в кредит. А у кого-то особо одаренного достало ума и квартиру по валютной ипотеке купить.

А ведь на этой же самой планете существуют и трущобы близ Карачи и Пешавара. Их обитатели готовят еду на кострах из резаных автомобильных покрышек и живут в палатках. Я не знал, чем закончится такое соседство, но искренне считал, что вряд ли чем-то добрым.

Проигнорировав наглых и навязчивых таксистов, я взял билет на аэроэкспресс. Так будет лучше, чем нанимать такси. Безопаснее.

На Павелецком я купил с рук мобилу, набрал знакомый номер и коротко сказал, когда прошел щелчок соединения:

– Я прилетел. Номер три.

Телефон я оставил на скамейке. Пусть его кто-нибудь уведет.

Наверное, быть разведчиком – это своего рода судьба, даже более того – самое настоящее искушение. Знать о других то, что не должно, часто даже то, чего люди и сами о себе не ведают!.. Раз ступив на этот путь – а это было в конце восьмидесятых, – я с него так и не слез.

Миссия в Пакистане год назад закончилась вполне успешно, но все хорошее в этом мире относительно. Заключалась она в том, что я должен был освободить из плена пакистанского Талибана – название крайне обобщенное, на самом деле там полным-полно разных группировок – двух инженеров. Точнее говоря, одного инженера и одного представителя банка.

Они находились в Пакистане по приглашению местных властей и деловых кругов с целью оценить возможность строительства каскада ГЭС на реках этой дивной страны. Сделка намечалась по схеме ВОО, то есть «build-own-operate», «строй-

владей-эксплуатируй». Кому-то она очень не нравилась. Настолько, что эти персоны наняли террористов и устроили взрыв в центре Карачи, чтобы ее сорвать.

Чтобы понимать, почему это произошло, надо быть в курсе того, что происходит в мире в целом и на энергетическом рынке в частности. Осень две тысячи четырнадцатого года показала, что строить благосостояние государства, тем более такого гигантского, как Россия, на экспортной выручке от реализации энергоносителей не просто глупо, а очень опасно. Такого понятия, как справедливая цена на нефть, газ, промышленные металлы, не существует. Если надо, то эти самые цены можно опустить в два, а то и в три раза и долго удерживать на этом уровне. Точно так же легко можно их и поднять.

Это биржа, через которую идет поток спекулятивного капитала. Одно время модно было вкладывать деньги в нефть и страны БРИКС, теперь, судя по всему, бизнесмены предпочитают инвестировать их в Америке.

Если мы строим энергетическую сверхдержаву, то должны вести себя совершенно по-другому. Если ты продаешь нефть, то по той цене, какая в данный момент сложилась на рынке. А ведь она зависит и от настроений спекулянтов, и от двух десятков других экспортеров, которым тоже нужны деньги. Захотела Саудовская Аравия – и открыла краны на всю мощь, а ты сидишь и обтекаешь. Энергетическая сверхдержава – это не нефть, а нечто такое, что не объедешь и что никак не зависит от настроений рынка.

Газопровод в Китай, гидроэнергетика и поставки оружия в Пакистан, атомная электростанция в Турции, испытывающей дефицит энергии. Если газопровод строится на китайские деньги, то последние два объекта будут возводиться на наши либо совместно. Схема «строй-владей-эксплуатируй», о которой я уже упоминал, очень удобна. Она означает, что построенный объект остается в твоей собственности, ты продаешь заказчику продукт – энергию.

Вот это и есть энергетическая сверхдержава. Никакой конкуренции на этом рынке нет, по крайней мере на коротких временных отрезках. Чтобы конкурировать с нами в Китае, нужны будут газовые месторождения и трубы. Или же придется создавать жутко дорогую инфраструктуру для приема сжиженного природного газа. Чтобы конкурировать с нами в Пакистане, надо найти где-то реку и построить на ней ГЭС. Чтобы конкурировать с нами в Турции, надо построить АЭС.

Это вам не заседание ОПЕК и не гнилые разгоны саудовского министра нефти о том, что королевство готово продавать это самое черное золото по двадцать долларов за баррель. Разбежались они, как же!..

Допустим, мы зайдем на эти рынки. Чтобы конкурировать с нами, надо будет получить реальную политическую поддержку и вложить многие миллиарды, которые мы уже потратили и окупаем, без каких-либо гарантий. Для нас же такие схемы – это постоянный поток денег, пусть и без сверхприбылей, но вполне себе реальный и никогда не пересыхающий.

Данные схемы все больше и больше интересуют серьезных иностранных заказчиков. Более того, они прекрасно увязываются в единый пакет с поставками партий оружия и с политической поддержкой. Заказчики чаще всего не хотят платить за такие объекты в странах Европы и США по принципиальным соображениям. Значит, мы или Китай.

А как думаете, почему Америка нас гнобит, с какого перепуга саудовцы так взбесились? Они отлично понимают суть дела. После того как будет проложен трубопровод, большая часть растущего китайского энергорынка достанется нам. Ведь использование танкера никогда не обойдется дешевле транспортировки трубопроводом.

Отсюда и мелкие неприятности, вроде взрыва в Карачи, убившего несколько десятков человек. Пока мы ведем самостоятельную политику, таким вот трагедиям не будет конца.

СИМ-карты у меня были промаркированы циферками. Я вставил в свой мобильник номер третий, как и сказал по телефону. Почти сразу раздался звонок.

– Слушаю.

– В порядке?

– Да, прибыл.

– Надо встретиться.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Сейчас так сейчас. Диктуй адрес.

– «У огня».

– Понял...

Что-то случилось!..

«У огня» – так мы называли между собой одно заведение, расположенное недалеко от присутственных мест, весьма специфическое, кстати сказать. Здесь любили собираться чиновники среднего звена, но как раз те самые, которые многое могли. Тут реально решались дела в России. В девяностые это происходило в доме приемов «Логоваза», сейчас таких мест было несколько, в том числе и «У огня». Кормили тут нормально, не сказать, что особенно вкусно, но вполне прилично.

Столик нашелся, стоило мне только упомянуть имя моего друга, а теперь и куратора. Очевидно, он кое-что значит в стране. Впрочем, сомневаться в этом было бы глупо.

В первый раз меня даже за стол не пригласили, а допустили, так сказать. А я отказался пить, чем, разумеется, проявил неуважение и недружелюбие. Впрочем, я не допускал ни того ни другого. Я просто не пью. Чиновники этого понять не способны.

Появился Денис. Генерал-лейтенант, если не повысили еще, начальник отдела в ГРУ, занимающегося так называемыми острыми акциями. Мы начинали вместе. Я ушел со службы на вольные хлеба, когда нашим министром стал мебельщик. Он остался и теперь на два звания выше меня. Я полковник, он генерал-лейтенант.

При нем пара крепких ребят. Значит, времена веселые. Они проверили зал, меня обыскивать не осмелились. Один вышел, другой остался стоять у дверей.

- Заказал?

- Нет.

- Давай-ка мы с тобой мяса поедим.

Денис кликнул официантку, быстро заказал. По его виду я понял, что он пребывал несколько не в своей тарелке. Генерал-лейтенант зачем-то посмотрел на часы.

- Кого-то ждем? - поинтересовался я.

- Нет. Слушай, ты не против, если мы твой крайний гонорар в рубли пересчитаем, а?

- Вот что ты за поганец, Денис?! А еще генералом называешься. Свинья ты самая настоящая!..

- Хорош!.. - взорвался мой друг. - Доллар опять подскочил, а бюджет мне урезали! Вот и крутись как хочешь! Тебе тут легко рассуждать. На мое место встань!

Ну да. В общем-то, вполне ожидаемая реакция. Он даже не понимает, что, встав на его место, я первым делом сократил бы часть услуги аквариума, отправил бы многих на пенсию. Это вам не дом престарелых, не фиг штаны тут протирать.

Потом я продал бы те новенькие бронированные «Ауди», которые вы купили. Ведь «Шкоды» ничуть не хуже, дешевле только. После этого я посмотрел бы, где еще можно сэкономить, не затрагивая жизненно важных функций конторы. В любой государственной структуре есть масса возможностей сберечь деньги.

Но чиновникам и генералам все это неведомо. Такая схема просто не вмонтирована в их руководящие мозги. Они будут жаловаться, ныть и стонать, а если не выклянчат денег, то уволят сторожа.

Помните древний анекдот? Сначала где-то там наняли дедуся сторожить мост. Потом решили, что он там один стоит, это не дело, и наняли директора. Вслед за этим взяли бухгалтера, чтобы зарплату насчитывал. Далее пошло сокращение штатов, и был уволен... сторож. Вот так у нас везде. Бюрократия.

Я-то давно от этого ушел на вольные хлеба. И ничуть об этом не жалею!..

- А ты на мое встань, - сказал я. - Посиди в каталажке. Порешай проблемы с племенами. Или в горы сходи. Не хочешь?

- Ладно, проехали... - угрюмо заключил Денис.

- То есть вторую часть я получу в долларах и именно тогда, когда договаривались? - осведомился я.

- Получишь.

- Ну вот и ладушки. Я могу идти?

- Сядь!..

Ого! Я-то думал, что мой старый друг из-за валютных курсов так печалится. Нет, похоже, что совсем по другому поводу.

- Угадай, где это.

Я взял смартфон, посмотрел короткое видео и ответил:

- Рыбальский остров, Киев. Здание Главного управления разведки Министерства обороны Украины.

Белый восьмиэтажный дом, рядом другой, светло-коричневый, вдвое ниже. Догадаться несложно. Я держу в памяти много таких мест. Тем более в Киеве. Я ведь там работал, когда мы налаживали контакты по нефти и газу. В нулевых.

Я даже подозревал, о чем пойдет речь сейчас, и решил уточнить:

– Лазарь?..

– Он самый.

Ожидаемо... но все равно весьма мерзко. Если в нашей системе надо кого-то убрать, то это всегда поручают сделать лучшему другу. Последняя проверка на лояльность. После этого считается, что человеку можно доверять безоговорочно. Обычно это делается без крови. Есть такие соединения, которые в течение сорока восьми часов вызывают инфаркт или инсульт. И никакая экспертиза ничего не покажет.

Были времена, когда все рушилось. Нашлись силы, которые порвали на куски могучую державу. Получали долгожданную независимость государства, отцами нации в которых становились недавние секретари республиканских ЦК.

Тогда же создавались и спецслужбы. Кадры использовались старые, хотя бы просто потому, что новых взять было неоткуда. На то, чтобы подготовить разведчика, нужно шесть-семь лет, а на создание школы уйдут целые десятилетия.

Президентского указа хватало, чтобы ликвидировать такие мощные структуры, как «Альфа» или «Вымпел». Профессионалы, в подготовку которых держава вложила миллионы, разбрелись по всему свету. Один погиб в Югославии, другой – в Карабахе, третий отвалил на Землю обетованную, четвертый стал киллером.

Условиями контракта предусматривалось, что после окончания действительной службы офицер имеет право выбрать для проживания любой город СССР. Многие уже в девяностые старались осесть в Киеве. Даже те, кто не имел к этому городу никакого отношения. Им помогали. По старой памяти генералы спецслужб Украины, уже независимой, делали этим ребятам левые документы, устраивали их на легальную работу, мастырили биографии.

В числе таковых был и Лазарь, один из самых опытных в Союзе профессионалов, экспертов в области диверсионной и террористической войны. В Украине он создал что-то вроде подпольной биржи труда для наемников, диких гусей, слетавшихся к нему со всего СНГ и даже из таких стран, как Афганистан.

Конечно, местные спецслужбы об этом знали, иного и быть не могло. Мы тоже были в курсе. Но кто же мог знать, что в двадцать первом веке Россия и Украина начнут воевать друг с другом?!

Теперь наличие в Киеве высокопрофессионального диверсанта с подготовкой, полученной еще в советском «Вымпеле», и огромными связями в мире наемников стало смертельной опасностью. Пока в Киеве, где на каждой стене написано нечто очень ласковое про нашу державу в целом и ее президента в частности, существуют Лазарь и его люди, никто за Кремлевской стеной не может спать спокойно. Потому что Лазарь не похож на всех этих скороспелых поцев. Он действительно может. Без дураков.

Пока жив Лазарь, многие сидят на иголках. В нашем мире действует такое правило: если есть сомнение – сомнений нет!

Вот только, ребята, не пошли бы вы все, а?! Я – человек гражданский. И все ваши проверки на шивость я видал в одном месте.

– У нас есть достоверная информация. За последний месяц Лазарь дважды побывал на Рыбальском острове...

– Денис, иди-ка ты лесом! – перебил его я.

– Что?

– Что слышал. Еще раз послать? Могу и дальше.

Тормозит мой старый приятель. Как-то непривычно генералу отправляться в пешее эротическое путешествие.

– Дэн, давай раз и навсегда. Я знаю, как работает наша контора. Нет человека, нет проблемы. Я когда-то был ее частью, поэтому не буду подвергать сомнению ваши методы. Но у каждого есть право – туда или сюда. Я для себя все решил.

– Неужели?

– Ага. Есть что-то еще или я пойду?

- Сиди!.. - заявил Денис и ослабил галстук. - Вообще-то, ни о чем таком речи не идет.

- Да неужели?

- Да. Мы понимаем, что Лазарь... в общем, он сам по себе. За стремное дело никогда не возьмется, скорее уедет. Весь этот бандеровский шабаш ему до одного места. - Денис отпил из бокала, взялся за мясо.

Я подозрительно прищурился и поинтересовался:

- Давно вы такими умными стали?

- Всегда были. Помимо прочего, у новой киевской власти нет ресурса и главное - денег для того, чтобы нанять такого спеца, как Лазарь. Он это понимает. Мы тоже. Все в курсе.

В общем-то, да, все правильно. Дурак тот, кто думает, что любой просто взял и заказал, кого захотел. Хозяина центрального рынка, владельца заводов и шахт, главу соседнего государства. Чтобы так вот заказывать, надо самому силу иметь. Хотя бы равную. Это правило действует не только в уголовщине, оно одно для всех. Если те же украинцы придут к Лазарю и закажут нашего президента, то он возьмет с них предоплату, после чего сообщит в Москву и будет на сто процентов прав.

Другой вопрос - какого хрена Лазарь делал на Рыбальском? Что он там забыл, если это правда?

- Какие у вас данные по Лазарю, да и вообще по тому, что там происходит?

Дэн нервно покрутил в пальцах ножи ответил:

- Если честно, то никаких.

- Неужели?

– Да. Песец полный. Все с ног на голову перевернулось. Те люди, которые раньше работали с нами, теперь в бегах, оттерты от дел либо уже совсем кончились. Ты знаешь, как там сейчас решается. Самоубийство, катастрофа, что угодно. А остальные... Ты можешь себе представить, что такое вербовать в Киеве?

– Сложнее, чем в Ираке?

Дэн пожал плечами. В конце концов, и я и он подбирали агентуру в Ираке. В том, еще саддамовском.

– Короче, у нас есть целые базы – прослушка, перехваты, все такое. Но толку от этого близко к нулю. Разрушена система государственного управления. Мы не знаем, за что хвататься и на какие рычаги нажимать. Все понимают, что времени нет совсем. Надо урвать, что уж получится, и плевать, как именно. Полно отморозков. Короче, революция...

Нет, Дэн. Это не революция.

Пока еще.

– Моя задача?

– Первая – выйти на Лазаря. Оценить обстановку и действовать по ситуации.

Такие вот обтекаемые фразы намекали на очевидность. Если я установлю, что Лазарь переметнулся и работает на украинскую разведку, то должен буду его убрать. Конечно, это правильно. При таком развитии событий Лазаря и в самом деле лучше списать в расход. Он опасен даже не столько как исполнитель, сколько как инструктор и организатор высочайшего уровня, способный за несколько месяцев создать и ввести в действие террористическую сеть, раскинутую по всей России. Такова и была его задача в «Вымпеле». Организация и поддержка прогрессивных движений – так вот красиво это называлось. Под правильными словами скрывались саботаж, политические убийства, подрывные действия, дестабилизация.

– Выйти на Лазаря с чем?

- С предложением поработать на нас. Нам нужна сеть в Киеве.

- Он на это не согласится.

- Убеди.

В общем-то, да. Убеди старого волка, за плечами которого, как и у всех нас, собственное, личное кладбище. Заставь такого монстра встать на сторону державы, которая ведет тайную, совсем небольшую войну против Украины.

В конце концов, если ты долго живешь в какой-то стране, то поневоле становишься ее патриотом. А Лазарь там с девяностых. И Киев он почему-то выбрал сам, хотя родом из другого города.

А я теперь должен убедить!..

- Дэн, позволь вопрос.

- Валяй. - Генерал-лейтенант принял позу отдыхающего римского патриция, означавшую, что хуже мне уже не будет.

- То, что произошло в Украине. Хоть кто-то ответил за это?

- А кто должен отвечать?

- Да хоть кто! Ты понимаешь, что там вторая Польша, еще один Пакистан сейчас будет? Тупо в силу патриотических чувств, которые испытывает любой нормальный человек. Кто там рулил и все это устроил? Ты понимаешь, что мы в Америке лучше работаем, чем там? Ты видишь, что мы целое телевидение на английском, на арабском, на испанском создали. Где оно на украинском, а? У нас из-под носа целую страну увели!..

- Хватит, - устало сказал Дэн. - Довольно. Против нас уже много лет идет опосредованная агрессия, с нами пытаются расправиться чужими руками, и мы вынуждены на это реагировать. Сделано то, что сделано. Не тебе судить. Но ты попытаешься кое-что изменить. Это будет твоим вторым заданием. Мы отправляем в Киев человека. Его задача - навести неофициальные контакты

с нынешней украинской администрацией, попытаться найти механизмы урегулирования кризиса. Сейчас не лето четырнадцатого и не осень пятнадцатого года. Украинцы померзли, поголодали, понимают, что никакому ЕС они и на фиг не нужны. Пошел откат. Наша задача – вовремя оседлать эту волну и перехватить рычаги управления у ЕС и США, которые для урегулирования кризиса и помощи Украине не сделали ровным счетом ничего. Причина в том, что механизмов урегулирования у них попросту нет. Если мы поймаем волну, то ситуация развернется на сто восемьдесят так же неожиданно, как и два года назад.

Увы, нет, друг мой. Не развернется она так.

Принципиальное отличие того, что происходило два года назад, от того, что есть сейчас, заключается вот в чем: тогда не было столько крови. Нет, конечно, она лилась на Майдане, где погибали как протестующие, так и милиционеры, но ее было немного, и ограничивалось все Киевом. Сейчас все по-другому.

Проблемы между русскими и украинцами были всегда. Сначала конкуренция. Потом, как только украинцы поняли, что проигрывают, она переродилась во вражду.

Война на Донбассе была запрограммирована еще многими годами раньше. Этот регион виделся украинским властям, кричащим о европейских ценностях, оплотом реакции и пророссийских настроений, рассадником предателей и коллаборационистов, который ни одна нормальная страна внутри себя держать не будет.

Летом и осенью четырнадцатого года уже вовсю разыгралась кровавая драма. Все ее участники лишь убедились в том, что их худшие предположения друг о друге абсолютно верны.

Украинцы увидели, что Донбасс – действительно оплот предателей и коллаборационистов. Хотя это было всего лишь выступление против экспансии Запада, спровоцированное местными олигархическими элитами под тем же лозунгом, под которым развалился СССР. Мол, хватит кормить дармоедов и центр.

А русские поверили в то, что украинцы – звери и нацисты. Все сомнения в этом исчезли после второго мая, когда в Одессе были заживо сожжены несколько десятков человек. Бессмысленно убеждать кого-то, что это олигархическая провокация, подготовленная другой стороной. Это уже никому не интересно.

Теперь между войной и миром лежат Одесса и Мариуполь, Иловайск и Дебальцево, аэропорты Луганска и Донецка и еще чертова тьма всего того, чего не было два года назад. Тогда о таких бедах еще и подумать никто не мог. Считать, что в Киеве можно будет тупо договориться и сделать это шито-крыто, – идиотизм!

Я слишком много времени провел на Востоке, лично видел, как люди превращаются в скотов. Там любые договоренности раз за разом срываются просто в силу озверения, старых счетов и привычки воевать, творить насилие. Поэтому мне трудно верить в простые решения сложных проблем. Два года назад в Киеве тоже договаривались о многом. А потом законно избранный президент удрал из страны как обгадившаяся шпана.

– Я никого не знаю в Киеве и вряд ли подойду на роль переговорщика.

– А мы не тебя отправляем. У переговорщика будет свое сопровождение, причем совершенно легальное.

– От кого?

Дэн назвал две компании. Обе я знал. Израильская «Шилд» была основана выходцами из бывшего СССР. Вторая, под названием «Транзит», – это уже одна структура службы безопасности Газпрома. Причем очень серьезная. У них есть право на закупку автоматического оружия, чем они и пользуются. Эти же ребята работают в критически опасных районах на Востоке, причем даже по посторонним контрактам, то есть там, где нефти нет.

– Израильтяне – ближний круг, а «Транзит» – дальний?

– Молодец, возьми с полки пирожок.

Поясню, что ближний круг – личная охрана, дальний – это боевики, способные как прикрывать первых, так и использоваться для воздействия. На сленге так называются незаконные операции, проводимые в чужой стране.

– А я?

– Ты кто-то вроде играющего тренера. «Транзит» будет знать о тебе, а «Шилд» – нет.

Пирожок с полки я не взял. Не до него было. Я смотрел на женщину, которая вошла в зал, огляделась и увидела нас.

– Твою же мать!..

Когда ты рассташься с женщиной, лучше всего, если вы оба не будете поддерживать отношения и пытаться делать вид, что все у вас зашибись. Друзья после секса – такое, может, еще и возможно, но вот после разрушенной семьи – это уже самый настоящий бред. Надо просто разойтись по разным углам и не делать друг другу еще больнее.

Увы, у меня так не получается.

Нет, я не обвиняю ее совершенно ни в чем. Это я должен был предполагать, что будет именно так, и не ввязываться.

Надо сказать, что ласточки, то бишь девочки легкого поведения, есть в любой разведке. Каждый агент, независимо от пола, должен быть готов переспать с кем угодно, чтобы получить информацию, необходимую его стране. Это часть нашей работы. У некоторых разведчиков есть семьи. Что ж, жены незаметных героев должны понимать, что их мужья не на заводе работают.

Может, так оно и было. Раньше. Меня самого готовил один из корифеев, каких сейчас нет. Я бывал у него дома. Вот его супруга Клавдия Валерьевна – она бы, я уверен, поняла. Они встретились в Берлине в сорок пятом – регулировщица, стоявшая на перекрестке, и лейтенант контрразведки Смерш. Так и жили с тех пор вместе. Вот она – да, все поняла бы.

Увы, моя супруга оказалась неспособной уразуметь, почему я сплю со своей подчиненной. И я ее в этом не обвиняю.

Марина оказалась не просто девочкой для иностранных дипломатов. Она стала добывающим офицером высокого класса. Мой брак не продлился так долго, как мне хотелось бы. Конечно, она не сделала глупости, не собиралась приходить ко мне домой и все рассказывать. Но София узнала. Потому что Марина это устроила. Мы с ней оба знаем, что это так. Я сам ее учил, как надо передавать информацию через десятые руки.

Марина сморщила носик, посмотрела в меню и заявила:

– У них нет сибаса! Что они вообще подают?

– Наверное, то, чем можно накормить голодного взрослого мужчину.

Денис поспешно откланялся, мол, дела. Мы с Мариной остались вдвоем. Я знал, что она уже подполковник. В тридцать с очень небольшим.

– Ладно, обойдусь семгой. – Марина позвала официанта, быстро сделала заказ и спросила: – Денис Викторович обрисовал тебе ситуацию? В общем порядке?

– В общем – обрисовал.

Я не знал, в курсе ли она про Лазаря.

– Тогда так. Имей в виду – я была против того, чтобы привлекали тебя...

– Почему? – перебил я.

– Я знаю, чем ты занимаешься. Тот же Пакистан, Ливия, Сирия. Применение силы. Мне это не нужно. Один прецедент может сорвать переговоры на любом их этапе. Все острые акции только с моей санкции. Иначе кто-то из нас летит домой. Киев – это тебе не Карачи.

– Почему? В каком-то смысле там даже хуже. Ты никогда не задумывалась вот над каким прецедентом?.. До сорок седьмого года Индия и Пакистан были

единым государством и как-то уживались. Но после распада они стали смертельными врагами и трижды серьезно воевали. На пороге четвертая война, возможно, ядерная. Кстати, одной из причин такой ненависти стал Восточный Пакистан, ныне независимое государство Бангладеш. Пакистан теперь стал страной одной нации. Его единственная миссия состоит в том, чтобы унижить Индию. Даже не победить – они понимают, что это невозможно, – а опустить. Если ради этого надо перебить полторы сотни людей, как это произошло в Мумбаи, или даже взорвать атомную бомбу, то они на это пойдут без особых угрызений совести.

Марина иронически, весьма остро глянула на меня и сказала:

– Украинцы тоже пойдут? Я тебя умоляю. Посмотри на их депутатов, министров, на администрацию президента. На манеже все те же персонажи. Сторонники Кучмы, Ющенко, Януковича, теперешнего президента Петренко и прочих. А до этого они были убежденными комсомольцами, как та же Фарион. Им плевать, во что верить – в бессмертное учение, в национальное единство, в то, что Украина – це Европа, или в Сашу Стоматолога. Все, что им надо, – это деньги. Плевать, кто их достанет из кармана – Петренко, Янукович или кто-то еще. Кто даст, тот и будет гетманом. ЕС уже четко дал понять, что подачек больше не будет. Точка. Пора нам предложить этим ребятам что-то сладкое.

Я спорить не стал и спросил:

– Как оформляется делегация?

– Газпром. Ты, кстати, тоже от них.

Ну да, конечно. Я тоже от них.

– Едем переговариваться по новым ценам на газ. Заодно кое-кого посмотрим, проверим в деле.

– Кого?

Марина пожала плечами. Не скажет, конечно.

- Куда тебя подвезти? – осведомилась женщина, когда мы вышли из заведения.

Дело в том, что я был не на колесах. Сюда приехал на такси, а машина у меня стояла в другом месте.

- До метро.

Марина пожала плечами и села за руль «Ауди». Я устроился рядом с ней.

- Мы сможем нормально работать вместе? – спросила она, трогаясь в путь.

- У меня тоже есть один вопрос.

- Давай.

- Ты понимала, что такое разведка и каково тебе в ней будет?

Она повела плечами. На ней была короткая шубка и не самая длинная юбка. Девочка из высшего общества, место рождения – Вашингтон, округ Колумбия. Семья дипломатов, американское воспитание.

- Понимала.

- Тогда зачем?.. Ты думала, что так я уйду из семьи, или как?

- А ты никогда не думал, что, может, я хотела бросить все это?

Зашибись! Она хотела бросить, а я не дал. Получается, что я теперь в этом виноват и мне с этим жить.

- Можно и я задам вопрос? – осведомилась она. – Ты счастлив?

Не отвечая, я вышел из машины, и сырая снежная каша, образовавшаяся после сегодняшнего потепления, обожгла мне ноги.

Киев, Украина

03 марта 2016 года

До Киева мы летели не рейсовым самолетом, а служебным бортом Газпрома. «Суперджет» оказался набит под завязку. ВИПы, специалисты, оперативники. Нас было больше девяноста человек.

Марина сидела впереди, вместе с ВИПами – вице-президентом Газпрома и начальниками департаментов. Я прошел в хвост, там, в тесном кругу израильтян и наших парней из «Альфы», я достал из записки бутылку водки «Флагман», и мы ее приговорили. На двадцать здоровых мужиков получилось совсем немного, но так оно и надо. Ребята из личной охраны и вовсе отказались, хотя шутили наравне со всеми. Русский язык хоть как-то, но понимали даже израильтяне.

В Борисполе мы нырнули в мокрый туман как в вату. Экипаж хотел даже уйти на какой-то запасной аэродром, но все же диспетчеры разрешили посадку.

Я выходил одним из первых, чтобы осмотреться. Все-таки сотрудники службы безопасности Газпрома знали меня хорошо и понимали, что такого опыта по всем делам, связанным с терроризмом, нет ни у кого из них.

Машины стояли полукругом. Украинцы не поскупились. Для ВИПов они подогнали «Майбах». Народу попроще предстояло ехать в «Мерседесах», вполне новых и приличных. Несколько бусов фирмы «Фольксваген» предназначались для плебеев.

Здание терминала еле видно, такой сильный туман. Это помешает снайперу, если у него, конечно, не термооптический прицел.

Тут же стоят менты для сопровождения. Это ДАИ – державная автоинспекция.

Борис, отвечавший за безопасность, принял доклады, покосился на меня. Я едва заметно кивнул.

Израильтяне вывели из самолета ВИПов. На Марине было красное платье, что совсем некстати. Оно выделяется и бросается в глаза. К моему удивлению, она села в «Майбах», а не в один из «Мерседесов».

Высоко взлетела.

– Трогаемся.

Я почти на ходу вскочил в какой-то бус. В нем было тесно, а от тумана – еще и темно. Мы набились в салон как сельди в бочку.

Борис, сидевший рядом, передал мне пакет. Я посмотрел на коленях. Два паспорта – греческий и украинский, «глок» с кобурой и глушителем, коробка с патронами. Три мобильника.

Машины вдруг начали тормозить. В пелене тумана показалась ограда, потом резко взвыла сирена автомобиля ДАИ.

– Это еще что?

Борис взялся за рацию. Я достал из пакета пистолет и проверил его. Если что, он лишним не будет.

Оказалось, что у ограды аэропорта собрался антироссийский пикет. Сотрудникам ДАИ пришлось приложить немало усилий, чтобы пробить нам дорогу.

Машины медленно ехали в живом коридоре. Мы видели озлобленные лица, черные шапочки – в Киеве действительно было холодно, – лозунги на наскоро написанных плакатах. Сперва в автомобиле полетели смерзшиеся комки грязи и льда. Потом в дело пошли и бутылки с краской и мочой, наверняка приготовленные заранее. Вот так ласково встречала нас Украина.

Можно, конечно, говорить, что пикет проплаченный. Это, скорее всего, так и есть, но люди-то пошли на это мероприятие. И ненависть у них на лицах нисколько не поддельная, это сразу видно.

Вырвавшись на Бориспольскую трассу, машины прибавили скорость до ста двадцати.

Киев встречал дурной погодой: туманом, промозглой сыростью, да еще и какой-то безнадегой. Мало машин – бензин нынче дорог. Сорок гривен за литр. Людей тоже не густо, это было видно сразу. Кто-то уехал на заработки, кто-то – совсем. В одном месте я увидел у обочины остов сгоревшей маршрутки, прямо как во фронтовом городе. Никому до этого не было дела, и никто ее не убирал.

Поселились мы в отеле «Холидей Инн», расположенном в центре Киева, сняли полностью три этажа. Несмотря на падение цен на энергоносители, Газпром жил на широкую ногу и от роскоши отказываться не хотел.

Поселили нас быстро. Дело обошлось без всяких пикетов у отеля.

Мне, по моему собственному желанию, достался номер в конце коридора. Я прикрепил в углу под потолок камеру и вывел ее на ноутбук. Она будет активироваться всякий раз, как только произойдет какое-то движение. Эта камера разработана в США для наблюдения за детьми и бебиситтерами. Она будет работать и ночью. Я почему-то не люблю сюрпризов.

Закончив с этим, я спустился вниз и дал портье двадцать долларов. Тот все понял.

Киев...

Я часто бывал в этом городе, но надолго задержался только один раз, в две тысячи пятом. Произошла Октябрьская... тьфу, Оранжевая революция, и я был в составе спецгруппы, которая восстанавливала агентурную сеть в городе. Мы латали дыры, вербовали новых агентов, заводили контакты.

Прикрытие было то же самое – энергетика. Власть, которая пришла на смену циничному многовекторному Кучме, оказалась строго прозападной. Нам надо было дать ей понять, что это в принципе никоим образом не совместимо с низкими ценами на энергоносители.

Как оказалось, новая власть все прекрасно понимала и даже приветствовала наши усилия. Потому что десятипроцентный откат от пятидесяти долларов – пять, а от ста – уже вдвое больше. Остальное неважно. Ведь ты ничего не платишь, а только кладешь в карман откат.

Мы уже тогда знали истинную канву переговоров и соотносили это с тем, что видели и слышали на улицах. К нам приходило понимание – не избежать беды.

Через темный ход отеля, пару улиц и проходных дворов я выскочил на Крещатик и пару раз проверился. Похоже, за мной никто не шел. Но оставался еще беспилотник. Поэтому я пошел к станции метро.

Должен сказать, что Киев производил весьма мрачное впечатление. Серая слякоть неубранного снега, множество закрытых кафе и магазинов, обтрепавшиеся рекламные щиты. Из некоторых окон многоэтажек торчат дымящиеся трубы печек-«буржук». Люди идут торопливо, смотрят под ноги, чтобы не поскользнуться.

У банков кружит шпана в черных дубленках и пуховиках, стоят машины с плакатами под стеклом – куплю доллары, евро, золото. Черный курс давно и безнадежно оторвался от официального и составляет уже семьдесят гривен за доллар. По тридцати меняют лишь приближенные к самым верхам, те, кто получил доступ к разворовыванию кредитов МВФ. Как и у нас в России в девяностых, ничего хорошего эти кредиты не дали.

И везде кругом – ненависть, ненависть, ненависть. Она как болячки на коже, как радиация. Ты знаешь, что не можешь ее чувствовать, но вот она, никуда не делась. Озлобленные взгляды в спину, граффити нецензурного содержания на каждом шагу, жовто-блакитные прапоры в самых неожиданных местах – на балконе, на бортах дорогого джипа. Много плакатов с надписями, извещающими о том, что здесь розмовляють тильки українською мовою. Не исключено, конечно, что хозяева этих заведений действительно такие патриоты, но, скорее всего, они просто боятся погромов.

На углу торчит разоренный и разграбленный ларек, где когда-то продавалось мороженое. Около него трутся какие-то личности, греют руки у костра, разведенного в железной бочке. Возможно, владелец этого ларька не хотел

розмолвляти тильки українською. Или же он отказался платить дань вооруженным бандам рэкетиров, легализованным под вывеской батальонов территориальной обороны нацгвардии.

А вон на столбе объявление: «Силовая поддержка» и номер мобилы. Это уже что-то новое, такого я не замечал здесь даже в девяностые. Тогда тут существовал хоть какой-то порядок. Были группировки, зоны влияния, разборки в основном не выходили за пределы очень узкого круга. А тут звони, вызывай бригаду с той же обыденностью, как снимаешь проститутку. Надоел сосед, не пролонгируют кредит в банке, стукнули машину и отказываются платить – вызываешь. Это насилие будет касаться всех. И просто так оно не закончится.

Я нырнул в метро, испачкав ноги в грязном месиве на полу, который никто не мыл по крайней мере несколько суток. Проезд стоил шесть гривен.

Внизу на станции спали люди. Многие в военной форме, бундесовском флектарне. Рядом вещи в рюкзаках или картонных коробках. Видимо, метро стало их домом. Здесь тепло, и станции есть по всему городу. Метро – это не место для жилья, но никто не знает, что делать с этими людьми.

Я проехал три остановки в одну сторону, потом – столько же в другую. Вроде не следят.

Я пересел на другую линию и вышел на железнодорожном вокзале.

Послушайте мой добрый совет. Если вам надо легализоваться в городе, приобрести все необходимое, то начинайте с вокзала. Там всегда стоят тетеньки и предлагают комнаты на съем. Это куда лучше любой гостиницы, потому что тетенька не платит налогов и будет молчать. На каждом вокзале можно купить пожрать, даже украсть, если припрет. Здесь обязательно тусуется всякая шпана, у которой можно узнать, что да как. Если правильно спрашивать.

Киевский вокзал был слепком со всего остального города. Та же грязь, толпа, много людей в камуфляже, масса ларьков, запах жареного. Тетки с квартирами, мужики с машинами, нищие просят милостыню, крысы шмыгают прямо под ногами. Грязища – месиво из воды, остатков снега, мусора и грязи. Милиция, которая и не пытается со всем с этим справиться, сержант, прихлебывающий кофе из пластикового стаканчика и озирающий происходящее пустым,

равнодушным взглядом. Крики торговков, шум поездов.

Из совсем необычного я заметил, что люди торгуют углем в мешках и вязанками дров так же буднично и обыденно, как елками под Новый год. Дожились!..

На стенах наклейки, явно дорогие. Это вам не листки дрянной бумаги, пропущенные через ризограф. Текст везде один: «Кровавый Пастор, веди нас на Донбасс!»

Поясню, что Кровавым Пастором здесь зовут человека, занимающего один из высших постов, главного застрельщика планируемого государственного переворота. Такое событие в Киеве ждут точно так же, как у нас, скажем, выборы. Люди надеялись на это прошлой зимой, летом, осенью. Сейчас уже март шестнадцатого, но переворот все еще ждут. Он поможет разомкнуть круг, разрубить гордиев узел, развязать который уже невозможно.

Я купил небольшую жовто-блакитную ленточку, прицепил ее на пуховик. Вот, теперь все в норме, можно и приступать.

Нужных мне людей я заметил сразу. Несколько человек, молодые, во флектарне, держатся вместе. Посматривают на табло. Рядом ларек с прессой. Тяжелые рюкзаки и сумки, все разномастные. Значит, волонтеры подогнали. Министерство обороны выдавало солдатам только автомат.

Ну, с Богом. Вперед.

– Слава Украине!

Парни подозрительно покосились на меня. Все небритые, с больными глазами бойцов, видевших такое, что и не выскажешь.

– Героям слава! – сказал один из них. – Ты кто?

– Отойдем? – предложил я.

Мы шагнули чуть в сторону. Вокзал жил своей жизнью, кто-то спешил на поезд или электричку, кто-то выходил в город. Никому до нас не было никакого дела.

- Зброя есть? - прямо спросил я.

Это был риск, но, в общем-то, вполне оправданный. В условиях, когда в стране беспредел, оружие покупают и продают. Оно нужно всем. Понятно, что вокзал контролируется мафией и что я, скорее всего, не сам по себе.

- А что надо? - Пацан был молодой, лет двадцати.

Наверное, по ротации едет, причем не пустой, хотя и без денег. Украинская держава, как и всегда, сделала для своих защитников все, что только могла. Ну, пан Петренко?.. И где тысяча гривен в сутки, сволочь ты этакая?..

- Пистолет бы купил.

Вариант был практически беспроблемный. Цены я узнал из Интернета. Не проблема, просто надо знать, где искать. Автомат в зоне АТО стоил долларов пятьсот, в крупном городе - вдвое больше. Пистолет «ПМ» - семьсот-восемьсот, граната «Ф1» - примерно столько же. За несколько тысяч долларов в зоне АТО можно купить танк.

Пацан с подозрением посмотрел на меня. Все-таки видно, что я русский, хотя и говорю на суржике. Но это же Киев, а не Львов и не окрестности Говерлы. Здесь многие изъясняются таким вот манером. Да и сине-желтая ленточка как признак благонадежности и патриотизма имеется.

- А гроши е?

- Товар будет - гроши найдутся, - спокойно ответил я.

Пацан подозрительно, словно сомневаясь, доверять мне или нет, посмотрел на меня, но решился и окликнул приятеля:

- Мирон! Иди сюда!

Через десять минут я по доброй воле расстался с семьюстами долларами и стал обладателем пистолета Макарова, почти нового, всего-то восемьдесят второго

года выпуска. Запасного магазина не имелось, кобуры и принадлежности тоже, но в стволе был патрон – девятый. Мелочь, а приятно.

Надеюсь, мои семьсот долларов помогут этим пацанам добраться до дома. Несмотря на то что они участвовали в АТО, особой злости у меня к ним нет. Это такие же жертвы, как и те, с кем они воевали на Донбассе. Хлопцы возвращаются в разоренную и разворованную у них за спинами страну, где их никто не ждет.

Почему я не взял с собой «глок»? Потому что не знал, что это за ствол. Нельзя иметь дело с оружием, которое пришло к тебе неизвестно откуда. Иначе можешь повесить на себя все, что кому-то угодно.

Я подумал, нужны ли мне левые документы, и решил, что пока нет, хватит тех, что есть. Я еще не знаю, что с Лазарем и надо ли мне будет переходить на нелегальное положение.

Я подошел к такси. Машина стоит выгодно, да и сама чистенькая, не в пример многим. Значит, с этим таксистом стоит иметь дело.

Я постучал по стеклу и полюбопытствовал:

– Свободен, командир?

– Ага.

– Вези на Подол.

– Сто пятьдесят.

– Поехали.

Киев – очень зеленый город. Крутые склоны, спускающиеся к Днепру, вообще поросли дремучим лесом.

Я забрался туда, нашел укромное место и потратил патрон, проверяя пистолет. Ствол работал.

Потом я выбрался из леса на Набережное шоссе и пошел в направлении Почтовой площади. Я шагал не один. Простые кияне тащили на санках, на старых колясках ветки и дрова. Они уже вырубili Подол больше чем наполовину. Горожане как-то приспосабливались к жизни в условиях отсутствия центрального отопления.

Впрочем, тут нет ничего экстраординарного. В Вильнюсе, столице Литвы, тоже многие топят дровами, потому что зимой счет за отопление – двести евро. Это Европа, детка!..

Мой выстрел наверняка погряз в других звуках, и никто не обратил на него особого внимания. А если и услышал, то держал свое мнение при себе. С вооруженными людьми тут не связываются.

Я остановился у Гаванского моста. Он вел как раз к Рыбальскому острову, к штаб-квартире ГУР. Это здание было видно мне и отсюда. Я остановился, присмотрелся и заметил на крыше восьмиэтажки нарост вертолетной площадки. Там стояла какая-то штука. Марку я издали определить не смог, но точно не «Ми?8». Ну вот, больше и объяснять ничего не надо.

Багдад, Багдад... Город, над которым и на вертолете летать небезопасно.

Я пошел дальше, к метро.

Удивительно!.. Ведь еще два года назад это была нормальная страна. Пусть не очень богатая, но все-таки. Уж Киев-то точно. Здесь хватало всякого, но люди как-то при этом более или менее жили. Они пользовались центральным отоплением, а не «буржуйками». Покупали новогодние елки, а не дрова. Спали в своих квартирах, а не в метро. Да, между Востоком и Западом уже была пропасть, но ведь как-то уживались, верно?

Но даже сейчас, после войны, нищеты, безумия, повального воровства и звериной злобы, люди не приходят в себя, не отдают себе отчета в происходящем, не начинают преследовать свои экономические интересы, не требуют от правительства заняться наконец экономикой. Нет, везде одно и то же – сепары, мобилизация, москалей на ножи. Это красуется на газетных страницах, на стенах в виде граффити, на плакатах, звучит в разговорах. Старик

Маркс, считавший, что человек в борьбе за свои интересы руководствуется только разумом, наверное, удавился бы, окажись он здесь и сейчас.

Уже темнело. Самое начало марта. Смеркается рано.

Лазарь жил в центре города, не на самом Крещатике, конечно, но место козырное. Было когда-то. Сейчас недвижимость в Киеве упала в цене втрое. Мало кто рискнет вкладываться в городе, где то и дело нет света и горячей воды, а государство имеет право отжать любую собственность только за нелояльность.

Чтобы идти к Лазарю напрямую, надо быть полным идиотом, тем более что он побывал на Рыбальском острове. На выходе из метро я купил сосиску в тесте, подкрепился и сейчас кружил по улицам, искал подозрительно чистые машины, тонированные стекла, большие фургоны, лишние антенны, парубков, шарахающихся без всякого дела, по которым сразу видно, что они не местные.

Но ничего этого не было. Были только киевские коты, кучи мусора, давно не вывозящиеся, желтые разводы, проплавившие редкий снег с большими проплешинами. Страшная, не передаваемая никакими словами вонь.

Если человек перестает платить за коммуналку, а счета за нее составляют две минимальные пенсии, то ему отрубает канализацию с помощью какого-то устройства. Но если денег нет, то с неба они не упадут. Люди просто начинали пользоваться парашей, выносить ее и выплескивать куда попало. Сами понимаете, во что превратились дворы к началу весны. Рядом с подъездами от вони аж мутило, и к глотке подкатывала тошнота.

К самому дому, где жил Лазарь, я подобрался, только когда совсем стемнело. Его окна я знал, и они не горели. Ни одно.

Хозяина нет на месте? Или же он просто не включает свет?

Крайний раз, когда я тут был, гостеприимный Лазарь встретил меня со спины с пистолетом. Я почему-то никак не хотел повторять этот рискованный эксперимент.

Прикрыв нос шарфом и думая о приятном, я стоял и ждал. Вскоре из подъезда вышел старик. В полутемном дворе, освещаемом только окнами, в своей шапке-боярке и черном пальто он казался посланцем из какого-то другого мира. Из того, где коммунальные услуги стоили копейки, а специально обученные люди не перекрывали неплательщикам стояк, чтобы потом убирать кучи дерьма, скопившиеся во дворе.

- Простите...

Старик дернулся от неожиданности, но я угадал верно. Это был один из тех старых киевлян, которые доживали в этом городе свою жизнь. Новая власть уже не оставляла им места в нем.

- Да?

- Я ищу Лазаря Моисеевича из одиннадцатой квартиры. Не подскажете?..

- Я его уже несколько дней не видел, молодой человек.

- Благодарю вас.

Старик пошел в арку. Куда он идет на ночь глядя? Зачем? Что его держит в этом сошедшем с ума городе?

Я подумал было догнать его и дать денег, но нет. Не возьмет. И я, и он это знаем. Не примет. Не то поколение. Тогда гордость была у людей. Это сейчас за деньги и на колени станут, и раком.

Стрелки часов тускло светили в темноте. Скоро одиннадцать. Нельзя здесь оставаться. Еще неизвестно, когда тут закрывается метро.

Отметив, что надо бы поставить здесь веб-камеру, я пошел в арку вслед за стариком. Она вела в другой двор, дорожка из которого уже выходила на улицу.

Как только я прошел ее, тут-то меня и приняли. Врезали по голове чем-то вроде кастета. В последний момент я отклонился, удар скользнул и пришелся

на плечо. Меня поволокли к бусу, стоящему невдалеке.

Но это были не профессионалы, не опера, для которых задержания – их хлеб. Когда они сажали меня в бус, то потеряли контроль над ситуацией. Втроем в дверь буса мы пройти не смогли. А пистолет был у меня спереди, там, где обычно не ищут, снятый с предохранителя и с патроном в патроннике. Может, они думали, что я только прилетел и не обзавелся стволом или еще что. Но как только один недоумок освободил мою левую руку, я рванулся, выхватил пистолет и с ходу открыл огонь.

Первым получил пулю тот урод, который был впереди и затаскивал меня в бус. Я выстрелил почти в упор, вспышка тускло высветила салон, грохот ударил по ушам. Не теряя времени, я дважды пальнул в спинку водительского сиденья, потом немного развернулся и угостил двумя пулями субъекта, так и не догадавшегося выпустить мою вторую руку.

Оглушительная тишина, круги в глазах, хрипящий бандит в бусе. Да, так поступают только самые настоящие бандиты, и мне плевать, кто их нанял.

В пистолете оставалось ровно три патрона. Сзади на грязном асфальте шевелился второй поганец. Видимо, я попал в бронежилет. Он остановил пулю, но запреградное воздействие никуда не денешь. Он сунул руку за пояс, и это лишило меня последних сомнений. Я выстрелил в голову ему, потом в того, кто был в бусе. После этого я вытянул руку и отправил последнюю пулю в затылок водителя, навалившегося на руль.

Я осмотрелся. Вокруг вроде как все спокойно!.. Никто не бежит, не кричит.

Но надо уходить. Ствол тут оставлять нельзя, даже если он и левый. Не надо добавлять работы криминалистам. Распотрошу и выброшу где-то по дороге. Благо пистолет Макарова я смогу разобрать с закрытыми глазами.

Я захлопнул дверь буса. Два трупа осталось в салоне, а третий я подтолкнул ногой прямо к машине. В темноте сразу и не увидишь. А потом я побежал наугад, шлепая по мокрой и вонючей грязи, перевалился через забор и понесся куда-то дальше. За мной никто не гнался.

Конечно, ни о каком такси не могло быть и речи.

Я разобрал пистолет, обтер его и выкинул по частям. Потом избавился от пуховика, точнее, от его верхнего слоя. Штука удобная. Подстежка может носиться как самостоятельная вещь. На куртке могли остаться кровь и следы пороховых газов. Потому я снял ее и положил на скамейку на остановке. Кому надо, тот заберет и постирает.

Если даже сообщить в милицию, то это все равно ни фиги не даст. Куртка пустая, в карманах ничего нет, привязать ее ко мне невозможно.

Хотя...

Я достал купюру в пятьдесят долларов, протер ее и сунул в карман. Теперь тот, кто найдет одежду, точно никуда не сообщит об этом. Потому что тогда ему придется отдать пятьдесят долларов. А это совсем немало. Тут на иной работе и за месяц столько не получают.

Я пошел пешком. Благо недалеко. Я ничего толком вокруг не видел. Главное – добраться до отеля и не вляпаться по пути еще в какую-нибудь историю.

Кто это был?..

Нет, рано рассуждать об этом. У нас есть еще одно правило. Обо всем надо думать вовремя. Не позже, но и не раньше. Никакой информации у меня нет. Значит, и голову ломать пока не стоит. Это все равно что плавать в бассейне без воды.

В ларьке я купил бутылку дешевой водки и вымыл руки и лицо, чтобы избавиться от продуктов выстрела. Как уж смог, почистил ботинки. Остаток из бутылки вылил себе на голову, чтобы подумали, что пьяный.

В отеле, может, и заметили, что я вернулся без куртки, но тут уж ничего не поделаешь. Надо еще как можно быстрее избавиться от обуви.

Даже не заходя к себе, я постучал в дверь Марины. Она открыла. Одного взгляда было достаточно, чтобы женщина все поняла, втащила меня внутрь и закрыла дверь на защелку.

- Работает? - спросил я.

- Да. - Она кивнула на туалетный столик, где лежал всеволновой подавитель, замаскированный под мобильник. - Что ты сделал?

- Меня пытались похитить, - сказал я, снимая ботинки и проходя в номер. - Какие-то левые. Я застрелил троих.

Надо отдать ей должное. Не было ни криков, ни истерики, ни обвинений. Ничего. Она из стали. Пусть снаружи не видно, но так оно и есть. Уж я-то знал это так хорошо, как никто другой.

- Тебя кто-то видел?

- Надеюсь, что нет.

- Оружие?..

- Разобрал и выбросил. Я купил его на вокзале, сегодня. Оно левое.

- Иди в душ.

Если женщина просит...

Вскоре в кабинку вошла она. Я стоял к ней спиной, попытался повернуться, но Марина не дала мне это сделать.

- Дай-ка я посмотрю. Чем это тебя приложили?

- Кастетом. Сама понимаешь, другого выхода у меня просто не было. Никакого.

- Я принесла одежду из твоего номера. Наряжайся. Надо избавиться от того, что было на тебе.

- Как?

- Сейчас...

Она вышла и вернулась через несколько минут, очевидно, поручила кому-то из охранников озаботиться тюком с моей одеждой.

Я уже сидел на кровати, Марина встала напротив и потребовала:

- Рассказывай!

Ну, в общем, уже не увильнуть.

- Ты знаешь, кто такой Лазарь?

- Слышала.

- И кто?

- Вопросы, дорогой, задаю я.

Даже так!..

- Лазарь - бывший сотрудник спецотдела ГРУ. Специалист по подрывным действиям, - сказал я. - Это не просто терроризм. Его учили, как создавать нестабильность, раскачивать внешне благополучные общества и добиваться революции. Социалистической, конечно. Но ты понимаешь, что революция в таком случае может быть любой.

- Дальше.

- Когда Лазарь уходил из ГРУ, у него было право выбирать легенду и город, в каком он будет жить. Лазарь поселился в Киеве, хотя сам был из России и жил здесь до сего времени. На досуге он создал сеть вербовки наемников в горячие точки. А недавно, буквально на днях, его видели на Рыбальском острове.

- И тебе поручили убрать такого спеца? Идиоты!..

– Мне поручили с ним поговорить и решить, что делать дальше, – устало сказал я. – А если он согласится, то и перетянуть его на нашу сторону. У нас здесь нет людей, и ты это знаешь. В его адресе никого не было, и я просто пошел обратно в отель. В соседнем дворе меня шандарахнули кастетом по голове и попытались затащить в микроавтобус. Три каких-то урода!.. Дальше ты сама знаешь.

Марина молчала.

– Все нормально, – попытался я подбодрить ее. – Если что, я напился, и меня ограбили в городе, ударили кастетом, отняли куртку. Портье подтвердит, что я вернулся без верхней одежды и пьяный. Следы от удара у меня есть.

– Ладно, – решила она. – Ложись в постель. Если что, ты пришел ко мне по старой памяти, и мы трахались до самого утра.

По ее тону я сразу понял, что мне сегодня точно ничего не обломится.

Увы.

Киев, Украина

04 марта 2016 года

Первые сообщения о «зверском убийстве», произошедшем в центре Киева ночью, начали появляться в Сети уже к девяти утра. Я мониторил Интернет, сидя в комнате Марины. Первой об этом сообщила «Украинская правда», сайт, основанный Георгием Гонгадзе.

В Киеве никто и никогда не решает дела рано. Хотя столице Украины не сравниться с Москвой, где до обеда вообще ничего не происходит. В этом порядке, заведенном еще усатым вождем, мы кардинально отличаемся от Запада, а от Востока – еще больше. Там вообще принято начинать работу очень рано, в шесть утра.

Марина приводила себя в порядок после «бессонной ночи», на ней было элегантное платье и скромные украшения. Пахло «Шанелью» номер пять – классика. Не знаю, кого она тут собралась соблазнять, но я ему не завидую, честно.

Потом женщина ушла в ванную и крикнула оттуда:

– Я позвала Бориса. Сейчас он придет.

Этого только не хватало. Но, в общем, она права, начальник службы безопасности должен знать все и обо всем.

Марина вышла из ванной накрашенная, в полной боевой готовности и уселась у столика. Борис зашел в комнату, сперва стыдливо опустил глаза, но сразу же понял, что командировочным сексом тут и не пахнет.

– Что?.. – коротко спросил он.

Какое-то время мы молчали.

Потом Марина сухим, бесцветным голосом приказала мне:

– Рассказывай!

Я изложил все как было. Наверное, лучше бы я остался в гостинице и занялся командировочным сексом, а не шарахался по ночному Киеву с пистолетом, но обратно уже не отмотаешь.

– Пистолет где? – спросил Борис.

– Разобрал и выбросил, – во второй раз ответил я, разозлился и спросил: – Что вы на меня так смотрите!

– А как на тебя еще смотреть?! – вспыхнула в ответ Марина.

– Он правильно поступил, Марина Викторовна. – Борис внезапно встал на мою сторону. – В Киеве с этим не шутят. Здесь заталкивают в машину, чтобы вывезти в лес и убить, а не ради душевного разговора.

– Вот и разбирайтесь тогда с этим! – заявила Марина, резко встала и вышла в коридор.

– Дня два вам надо посидеть в комнате, – сказал Борис. – Причем безвылазно. Там немного прояснится, станет понятно, что и как. Если вас никто не видел и не опознает – можно дальше работать. Если нет...

– «Глок» принеси. Он в моем номере. Под кроватью, приклеен скотчем. Справа.

Борис молча вышел, вскоре вернулся и отдал мне ствол.

Делать было решительно нечего.

Я снова зашел в Интернет. Новость об убийстве, совершенном в центре Киева, продолжала расползаться по СМИ, обрастать подробностями.

Я узнал, что те трое, которых я пристрелил, – активисты Евромайдана. Биографии как под копирку. Все с Западной Украины, обучались во Львовском институте физкультуры, том самом, преподаватели которого Девятого мая отпускают студентов с занятий, чтобы избивать ветеранов Великой Отечественной войны. Все трое участвовали в Евромайдане, потом записались в национальную гвардию и служили в зоне АТО. Значит, правильно я их убил. По-любому верно.

Кто они были? Да кто угодно. В Украине жизнь человека стоит мало. Когда здесь вербовали народ в батальоны территориальной обороны, в большинстве объявлений было указано: «трудоустройство по окончании срока службы». Или еще откровеннее: «переход в частные структуры». То есть в организованные преступные группировки. Большинство территориальных батальонов как раз и формировалось как легализованные ОПГ.

Никто этот процесс не контролировал. Собрались, двинули в зону АТО, там повоевали, обкатались, крестились кровью, отжали транспорт, обзавелись

оружием. И обратно. Некоторые тербаты целиком переходили под контроль олигархов, другие начинали отжимать бизнес помельче, действовали как банды рэкетиров.

Милиции они уже не боялись. После февраля четырнадцатого года ее не страшился вообще никто. Если прижмут, можно бросить клич, мол, рятуйте, граждане! Щемят ветеранов АТО! Мы за едину вильну Украину кровь мешками проливали, а теперь нас менты колбасят!

Ненависть в обществе к милиции была запредельной, особенно в западных областях. Поэтому когда раздавался такой клич, никто не разбирался, что тут к чему. Милиция была виновата априори.

Власть, циничная, лукавая и неустойчивая, отлично понимала, что она держится на соплях. Скинуть ее можно запросто. Тут и делов-то всего на пару дней, а не месяцев! Поэтому она не защищала милицию, как должна была бы, а сдавала ее оптом и в розницу на суд общества, скорый и неправый.

В свое время для снижения социальной напряженности с высокого царского крыльца стрельцы иногда сбрасывали бояр в бушующую толпу. Так и тут. Власть приносила жертвы одну за другой. Любой мент был хорош в этом качестве. Никому ничего доказывать не надо, общественное мнение осудило, вынесло приговор и готово привести его в исполнение. Общество, обезумевшее от ненависти, потерявшее всяческие координаты, требовало подать ему все новых и новых врагов народа, вредителей, на которых можно списать национальную катастрофу. Оно получало их.

Менты понимали, что власть их не защитит, что она чуждая им. Иногда они просто делали вид, что работают, часто сами превращались в ОПГ. У многих в загашнике лежали российский или белорусский паспорт, рубли, номера телефонов тех личностей, которые спокойно переведут их через границу. Настоящие бандиты осознавали свою безнаказанность и резвились как хотели.

Силовой ресурс в/на Украине нужен был всем. Боевиков с Майдана, тербатовцев, откровенных уголовников нанимали рейдеры, политики, олигархи. Да и спецслужбы, конечно. Как же без них?! На такие конторы работать стремно, платят они мало, зато есть надежная отмазка и крыша. А иногда и пуля в голову.

К обеду сообщения об убийстве появились уже на многих страничках Всемирной паутины. Авторы комментариев пылали праведным гневом, требовали наказать ментов, угрожали всем и каждому.

А потом я обнаружил на ментовском сайте фоторобот подозреваемого. Он был выполнен откровенно плохо, и вряд ли по нему можно меня опознать, почувствовал я себя весьма неудобно. Значит, где-то засветился. Наверное, тот старик. Он смотрел на меня в темноте, но что-то все-таки увидел. Теперь я могу ожидать не только ареста, но и того, что на меня накинется толпа разъяренных отморожков и разорвет в клочья.

Не хотелось бы.

В четыре вернулась Марина. Ничего не говоря, она сбросила туфли, прошла в душ и долго плескалась там. Потом вышла в халате, плюхнулась на кровать рядом со мной, растянулась и глубоко вздохнула.

– Тяжелый день?

– Не то слово. Полный песец.

– Где набралась таких слов девочка из высшего общества? – сыронизировал я.

– Да пошел ты! – беззлобно отозвалась она. – Господи, это жесть. Конкретная.

– Расскажи.

– Понимаешь, они упертые до предела, конкретно. Ребята не понимают, что так, как они хотят, больше не будет. У них нет ресурса, позволяющего продолжать все это дальше. Но они торгуются так, как будто у них всего этого выше крыши. Им в упор говорят, что они блефуют, но плевать эти господа хотели на то, что слышат.

– Нет, им не плевать, – возразил я. – Их просто приперли к стенке. Возьми даже не олигарха, а любого человека, владеющего недвижимостью в Киеве. Какого угодно. Когда-то это был один из красивейших городов Европы. Жилье здесь чего-то да стоило. Даже убитая наповал хрущоба. Потому что в городе была

экономика, что-то работало. А что сейчас? Грязь, голод, «буржуйки». Парашу выливают на помойку, а то и из окна. Ты купишь квартиру в таком городе?

– Тогда какого черта?.. Почему они не отступают?

– Майдан дал им урок. Ошибочный, конечно, но его усвоили здесь все. Если чего-то очень хотеть, пусть самого невероятного, и идти на все, чтобы это было, то так оно и случится. По-любому. И неважно, что это считается невозможным. Нужно просто отжимать свое по кусочку. Отгрыз, застолбил и снова сорвал все договоренности. Мол, что мое, то мое, а вот о твоём давай поговорим. Так победил Майдан. Десяток тысяч безоружных людей опрокинул не самую слабую власть. Так они рассчитывают победить и сейчас. Нельзя им уступать. Даже в малом. Нужно просто ставить свои условия: так и не иначе. Если не так, значит, ничего не получите. Ни единого шага в сторону. Мы говорим, вы выполняете. Сначала будут ломаться, потом поймут. Украина – это женщина, она сильную руку любит.

– Сексист.

– Увы.

Марина внимательно посмотрела на меня и добавила:

– Да еще и дикарь.

– Не сказал бы. Чего вы от них хотите? О чем идет речь?

Марина молчала, только бросила взгляд на столик, где работал подаватель.

Она не должна была говорить, а я – спрашивать. Таково первое правило нашей системы. Меньше знаешь, дольше живешь. Каждый должен владеть тем минимумом информации, который необходим для выполнения задачи, не более. Любой из нас может попасть в плен, быть захвачен противником. А героев нет. Рано или поздно раскалываются все. Одних ломают страхом, других – пытками, третьих – химией. Не выдерживает никто. Возьмут меня, я тоже запою, если не успею свести счета с жизнью.

Но я был ее учителем, а она – ученицей. Причем очень талантливой. В те времена мы часто оставались наедине в здании академии и смотрели телевизор. Я выбирал записи ток-шоу, различных мыльных опер. Мы говорили о том, кто и какими мотивами руководствуется в той или иной ситуации, кто лжет, а кто говорит правду, как можно было поступить иначе. Я учил ее видеть мотивацию людей, предугадывать их поступки.

Сергей Викторович, мой друг, бородатый здоровяк, известный психолог и бизнес-тренер, зарабатывающий миллионы, натаскивал ее искусству манипулировать кем угодно. Марина должна была уметь организовывать людей, создавать команды на ровном месте, вести конфликтные переговоры и выгодно «продавать» свою позицию.

Может, я скажу ересь для ветеранов, людей старой школы, но разведка, хорошо поставленная и успешная, больше похожа на бизнес. Только продаешь ты не чипсы, а геополитическое влияние. Мы ведь сейчас сидим тут, в киевском отеле, как раз потому, что американцы оказались очень хорошими лоточниками. За пять миллиардов долларов они продали украинцам ворох такого дерьма, что теперь никто и не знал, как его разгрести. Украина – це Европа, твою мать!..

– Элита в Киеве... – вдруг сказала Марина. – Нет, не политиканы и горлопаны, а настоящая, состоявшаяся элита ненавидит неонацистов не меньше нас. Они понимают, что у них нет ресурса, позволяющего их контролировать. В сущности, все, что хотят эти господа, – вернуть времена Януковича и получать дивиденды от отжатой или купленной за бесценок собственности. Передел после Януковича почти завершен. Они прекрасно понимают, что, попав в Европу, лишатся собственности, и не готовы к этому. Тутешние паны замирились бы с нами хоть завтра, но у них на пути стоят бандформирования неонацистов и «Правый сектор». Детонатор, от которого может в любой момент бабахнуть весь Киев. Если они попробуют использовать собственные силы для ликвидации угрозы, то об этом сразу станет известно и неонацисты начнут вооруженное восстание. Запад не сможет предоставить необходимые ресурсы по многим причинам. В том числе и потому, что неонацисты представляются ему важным элементом удержания Украины на антироссийском курсе и контроля любой власти в Киеве. Как только взаимоотношения Киева и Москвы заходят слишком далеко, происходит Майдан. Чтобы снова зайти на Украину, мы должны оказать новой власти услугу. Ты понимаешь, какую именно.

Да, понимаю.

Услуга – это одновременная ликвидация самой опасной части майдановского актива, правосеков и неонацистов. Большая часть помянутых личностей будет уничтожена в зоне АТО в течение двух-трех дней. Лагеря известны. Эти идиоты свободно пользуются мобилками. Это ни разу не «Аль-Каида». Им вряд ли удастся подняться до уровня исламских экстремистов.

Группа ночных ударных вертолетов, одиночный бомбардировщик с пятью тоннами управляемых бомб, ракетный удар «Точкой», «Искандером» или «Смерчем» по лагерю неподконтрольного батальона с российской территории, внезапный налет роты спецназа ВДВ на лагерь. И все дела, проблема решена. Те патриоты, которые не желают вписываться в новое уравнение, просто стираются с доски.

Меньшая часть будет ликвидирована здесь, в Киеве и Днепропетровске, агентурно-боевыми группами ГРУ. Возможно, даже наши телохранители из «Альфы» примут в этом участие. Ночь длинных ножей двадцать первого века. Группы выходят по адресам, и в течение пары-тройки часов все решается. Кого-то сдают в СБУ, кого-то вывозят за город и кончают. Второе предпочтительнее, потому что правило «Нет человека, нет и проблемы» никогда не потеряет своей актуальности.

Утром власть добивает деморализованную оппозицию, наводит порядок и начинает переговоры с Россией. Они, несомненно, увенчаются успехом, потому что мы с тобой одной крови – ты и я.

Или так: ворон ворону глаз не выклюет.

Теперь понятно, почему ГРУ вдруг заинтересовалось Лазарем. Будет неплохо, если удастся включить его в схему. Гораздо лучше, если вторую часть акции, зачистку в городах, удастся выполнить силами самих украинцев и наемников, не задействуя российские спецподразделения. Трудно будет найти черную кошку в темной комнате. Вовсе не потому, что она умная, смелая и вежливая. А потому, что ее там не будет.

Понятно и то, почему Лазарь представляет опасность. В условиях дестабилизации все будет висеть на волоске. Люди не смогут понять, что творит их власть – спасает отечество или изменяет делу украинской революции. Вот тогда-то именно он и его отряды будут представлять собой наибольшую

опасность, если Лазарю вздумается стать лидером сопротивления. Не эта постмайдановская шпана, даже с опытом АТО, а Лазарь и его люди.

Внезапно я осознал, что Марины рядом со мной нет, а из ванной слышится шум воды.

Подумав, я встал и пошел туда. Как хотите, а секс у меня сегодня будет.

Киев, Украина, отель «Холидей Инн»

05 марта 2016 года

Утро этого дня было намного лучше предыдущего. По крайней мере для меня – точно.

Для Марины, надеюсь, тоже. По крайней мере, отправляясь утром на переговоры, она напевала. Честно вам говорю. Я никогда до этого не слышал ничего подобного. Хотя, может быть, я просто повышаю себе оценку.

Позавтракав чем бог послал, я сел на кровать и погрузился в бескрайние и мутные воды Интернета. Я мониторил ситуацию с тройным убийством и старался понять, по какому пути все идет. Конечно, были те, кто полагал, что убийство совершили русские десантники, агенты ФСБ или ГРУ. Но большая часть комментаторов обвиняла местное МВД в зачистке ветеранов Майдана либо предполагала, что тут не обошлось без своих же. Конфликт за сферы влияния, за обираемых бизнесменов, рынки, таксистов, маршрутки, поставки угля и дров, янтарь. Да мало ли.

Защита Родины поразительно быстро перерождалась в рэкет, и этому была причина. Она состояла в том, что исходный посыл являлся ошибочным с самого начала.

Защитим Родину? Хорошо. Но от кого и для кого? От донбасского быдла? От мифических русских танков? А ради кого? Петренко, седьмого по богатству человека в стране? Или ради Рабиновича – второго?

Родины не было. Была страна. Оккупированная олигархами, проданная и разворованная чиновниками и депутатами, которые за время своей верной службы народу умудрялись поменять по пять-семь партий. Были дельцы, жадно хапающие, хрюкающие, готовые вытянуть из своих соотечественников последние гроши и потом, конечно же, перевести их на счет в офшорке.

Наконец, был сам украинский народ. Работящий, но только на стройке в чужой стране. В своей – кое-как. Получивший зарплату и тут же бегущий к обменнику. Подвывающий на все голоса гадости про Путина и считающий это любовью к Родине. Тырящий все, что плохо лежит, и даже то, что лежит хорошо.

Ведь все те, кого в Украине ненавидят, – менты и сотрудники государственных администраций любого уровня, не представляющие жизнь без взятки, мелкие деятели, кинутые и кидающие, – они же не с Марса прилетели. Это часть общества, рожденная, вскормленная и воспитанная им. Поэтому если у вас возникает вопрос, отчего все так плохо, то задавать его нужно исключительно себе самому.

Бойцы АТО, добровольцы, возвращались домой и видели, что ничего, по сути, не изменилось, на манеже все те же, как вверху, так и внизу. Вчерашние солдаты понимали, что все эти небайдужие («неравнодушные», это на мове) составляют лишь малую, даже мизерную часть общества, а остальным все по хрену. Как в сердцах выразился один ветеран, такая же вата.

Поэтому парням оставалось одно из трех: валить, совать ствол в пасть либо сбиваться в стаю и вместе прорываться наверх. Те, кто выбрал последний вариант, были готовы не только выдирать из страны окровавленные куски мяса, но и мстить ей за то, что она смеет жить по-прежнему, не желает помнить о многих тысячах убитых и искалеченных патриотов.

Проще всего сказать, что рэкетеры – это преступники и не более того.

Внезапно на экране всплыло приоритетное окно, и я увидел, как в мой пустой номер кто-то входит. Это был явно не портье.

Что делать?

Варианты разные. Просто смотреть. Попытаться захватить и побеседовать по душам. Одеваться и сваливать.

Я оделся, прихватил пистолет, вышел в коридор. Там скорее почувствовал, чем услышал, что сзади кто-то есть, развернулся.

На меня смотрел Лазарь.

– Что, не признал? – нарушил молчание он.

Я не ответил.

– Я зайду?

Лазарь был все тем же.

Ему уже перевалило за шестьдесят, но при этом в нем не было и следа старческой немощи. Он был тощим, как розга, опасным, как ружейный обрез, мудрым, как кавказский аксакал. Держава научила его убивать, подрывать, ниспровергать что угодно во имя торжества коммунизма во всем мире, а потом выбросила на помойку. Оказалось, что никакого торжества коммунизма не будет. Его прекрасно заменят клубника зимой и сто пятьдесят сортов колбасы. Ладно, пусть не так много, но уж тридцать-то точно надо.

Лазарь учил меня... нас точно так же, как мы – Марину. Он рассказывал нам про своих учителей, работавших еще во времена Коминтерна. Было бы правильнее, если бы Лазаря и таких динозавров, как он, убрали еще тогда, в девяносто первом, никак не позже. Это ведь я изначально не имел никаких идеалов, и потому мне проще. А у него они были. Нет страшнее человека, потерявшего свои идеалы и мстящего всему миру за это.

Лазарь сел на кровать, там, где сидела Марина. Он демонстрировал миролюбие, но оно меня не обманывало. Я знал, что на одном из своих заданий Лазарь убил человека ударом ботинка. Просто потому, что ничего другого на охраняемую территорию ему пронести не удалось. Убитый был охранником, у него-то Лазарь и раздобыл пистолет.

Интересно, есть ли ствол у него сейчас?

- Что тебе надо?

- Это тебе что надо? - Лазарь усмехнулся. - Ты меня искал, не я тебя.

- Искал?

- А что, разве нет?

- Да, искал. Просто решил навестить старого друга. А его и на месте нет.

- А пистолет левый зачем прихватил? Мальчиков почему обидел? До смерти.

- Извини. - Я тоже усмехнулся, копируя Лазаря. - Они первые начали. Я человек мирный, иду по улице, никого не трогаю, а тут трах-бах!.. А что, твои?

- Да бог с тобой! Зачем мне эти хулиганы?

- А чьи же тогда?

- Да есть люди...

Лазарь не доверял мне, а я - ему. Он понимал, что если я искал его, то, скорее всего, затем, чтобы убрать. Тем более если знал за собой вину. В виде посещения Рыбальского острова.

Понимал Лазарь и то, что если его приговорили, то моя смерть ничего не решит. Вслед за мной придет другой, потом третий. Контора никогда не оставляет приговоренного в живых. Потому что это будет неправильно воспринято.

Поэтому я достал «глок», вытащил из рукоятки магазин, выбросил патрон из ствола и кинул пустой пистолет на кровать рядом с Лазарем.

- Так лучше?

- Ага.

- Я приехал сюда не для того, чтобы убрать тебя.

- Интересно, а зачем тогда?

- Чтобы поговорить.

- О чем?

- О ситуации. Надо сделать все, чтобы восстановить порядок.

- Порядок где?

- В стране.

Лазарь сухо засмеялся и спросил:

- И какое дело российскому ГРУ до порядка на Украине?

Он не сказал «моей стране» и «в Украине». Намек, однако.

- Не юродствуй, Лазарь. И ты и я знаем, что страны приходят и уходят. А вот система - она остается.

- Да, так и есть.

- Если ты хочешь знать, твое посещение Рыбальского острова было воспринято, скажем так, с пониманием. Хотя мы и ждем... объяснений.

Лазарь помолчал, потом сказал с усмешкой:

- Старееете.

- В смысле?..

– В мои времена никто не ждал бы никаких объяснений. Знаешь, была такая поговорка. Вне подозрений – только мертвые.

– Сейчас не твои времена, Лазарь, а мои. Так у тебя есть что сказать? Для начала по Рыбальскому острову.

– Когда-то давно один мудрец изрек, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Слышал?

– Да. Но теперь можно уехать, верно? Не сидеть на куче дерьма. Ты хоть видел, во что превратился твой двор, Лазарь? Да и весь Киев? Я Пакистан, Йемен видел – даже там такой мерзости нет.

Последнее было сказано совершенно зря. Никогда не выдавай никакую информацию, даже самую безобидную на первый взгляд. Всегда очень внимательно слушай собеседника. Большая часть провалов начинается как раз с таких вот оговорок.

– Вот только не надо...

– Ты еще москалем меня назови. – Я почувствовал, что перехватил контроль над ситуацией. – Самое то будет. Киев – русский город, Лазарь. Его захватили и изгадили дикари, не умеющие пользоваться сортиром, строить государство, возвращать долги. Ситуация вышла за допустимые пределы. К кому ты ходил на Рыбальский, кто там сейчас рулит? Что они хотят сделать? Говори, Лазарь. Время выбирать сторону. Прямо сейчас.

– Комар, – нехотя сказал Лазарь. – Слышал про такого?

– Краем уха. Мой коллега?

– Он самый. Теперь этот господин там главный. Спецотдел Р.

– Он действует?

Лазарь ухмыльнулся:

– А сам как думаешь? На полном ходу.

Спецотдел Р – это и на самом деле было серьезно.

Когда в девяносто первом развалился Союз, люди просто толком не поняли, что произошло. Никто особо не боролся за независимость и до тех декабрьских дней не ставил вопрос о крахе державы. Говорили о новом союзном договоре, судили и рядили на тему о том, кто кого кормит, но ни у кого в голове не укладывалось, как можно жить без Союза. Даже в верхах.

Я не занимался этой темой и не знаю подробностей, но мне кажется, что договоренности в Беловежской пуще принимались не после проработки. Они писались буквально на коленке и представляли собой экспромт, импровизацию, совершенно не укладывающуюся в голове. Никто не стал бороться с развалом СССР именно потому, что сам процесс и все эти бумажки выглядели как неуместная шутка и воспринимались так же. А сами эти договоренности не были сметены просто потому, что ни у кого не доставало ни сил, ни ума предложить что-то иное.

Но это оказалось не шуткой. Весь девяносто второй год, по сути, был занят дележом общего наследства и выстраиванием неких новых отношений на замену старым.

В наследство от СССР остались хоть и потрепанные, но мощные спецслужбы, которые на протяжении многих десятилетий обеспечивали удержание позиций в противостоянии со всем западным миром. Эти структуры были своего рода государством в государстве. Между украинским и российским сотрудником КГБ было намного больше общего, чем у каждого из них с той скороспелой страной, которой они служили. Поэтому говорить о разделе таких монолитов, как МВД, КГБ, Вооруженные силы, было просто смешно.

К тому же как их делить-то? Милиция, например, не может работать без учета, архива, а все центральные картотеки находятся в Москве, в ИВЦ МВД. Причем на тот момент именно картотеки, а не компьютерные базы данных, которые можно скопировать без особых проблем.

Тогда-то и было заключено соглашение, тайное настолько, что в некоторых странах политическая власть даже не знала о его существовании. По этому

договору Россия в лице ФСБ – тогда АФБ, по-моему – и ГРУ обязалась оказывать ресурсную и методическую помощь в становлении спецслужб новых государств. В ответ эти структуры взяли на себя обязательства никогда не вести разведку в России. Исключение допускалось только при работе внутри иностранных диаспор, и то только в тех случаях, когда такая деятельность не направлена против интересов России. Правилom хорошего тона считалось заранее предупредить хозяев о своем присутствии.

Примером такой легальной деятельности могла служить работа спецслужб Азербайджана против бывшего президента Аяза Муталибова, бежавшего в Москву. Его, кстати, так и не выдали Азербайджану. Он вернулся туда сам в две тысячи одиннадцатом году, когда острота ситуации спала и правительство Азербайджана его простило.

Все поняли это по-своему. Вообще-то, молчаливо предполагалось, что Россия также не будет вести разведдеятельность против новообразованных государств, но это правило то и дело нарушалось. В свою очередь российские спецслужбы за все двадцать с лишним лет так и не наладили нормальный сбор информации, не выработали методы, позволяющие оказывать решающее влияние на соседние государства.

Встряской стала Оранжевая революция в Украине. После нее спецслужбы начали что-то делать, но шевелились они вяло, и было уже поздно. Российская разведка не имела опыта деятельности в постсоветских государствах и не пыталась его приобрести. Работали по Германии, по США, по Ближнему Востоку – привычные направления.

Да и политического заказа на разведку в ближнем зарубежье не было. Согласно порочной практике, сложившейся еще в советские времена, по странам, считавшимся сателлитами СССР, наша разведка не работала, ими занимался Международный отдел ЦК КПСС.

Объективной оценки ситуации не было, зато идеологические шоры никуда не делись. Поэтому череда «бархатных революций» привела Старую площадь в полное изумление.

Примерно то же самое происходило и сейчас. Постсоветские страны курировала Администрация Президента РФ. Разведка по ним работала фрагментарно,

никакого плана действий у нее не имелось. Потом точно таким же сюрпризом стал уже Евромайдан.

В свою очередь, постсоветские страны начали все смелее нарушать обязательства о неведении разведывательной работы против России. Если не считать стран Прибалтики, особенно отличились в этом Грузия и Украина.

До сих пор неизвестно, в какой момент в структуре украинской военной разведки появился отдел Р – «Россия». Совершенно точно, что это произошло много раньше 2004 года и Оранжевой революции. Возможно, в 2000–2001 годах, когда ГУР МО Украины возглавлял генерал-полковник Палий Виктор Иванович, уроженец Днепропетровска.

Из этого же города происходил и Леонид Васильевич Деркач, один из серых кардиналов украинской политики, успевший побывать и председателем СБУ, и главой Таможенного комитета, и депутатом Верховной рады. Этот человек настолько погряз в криминале и незаконных оружейных сделках, что вопрос о нем и о возможности дальнейшего занятия им важных государственных постов неоднократно поднимался американцами. Он приложил руку практически ко всем оружейным скандалам девяностых – к поставкам РЛС «Кольчуга» Ираку, к срыву совместного производства беспилотников с Израилем. Скорее всего, именно он, человек, близкий к Кучме, и пробил создание отдела Р.

Известно, что первой задачей этого подразделения было отслеживание российской активности на оружейном рынке и содействие украинским производителям, конкурирующим с нашим «Рособоронэкспортом». Почти сразу это вылилось в создание полукриминальных и совсем уж незаконных цепочек взаимодействия между оборонными предприятиями России, Украины и Беларуси. Ведь советский ВПК был един, и разрыв кооперационных связей ударил по нему еще сильнее, чем по остальным отраслям экономики. Предприятия ВПК куда сильнее, чем все прочие, страдали от неплатежей.

Эта структура почти сразу стала полулегальным прикрытием для группировок торговцев оружием. После Оранжевой революции она попала под контроль ЦРУ и стала использоваться для научно-технического шпионажа и подрывной деятельности на территории России и Беларуси. Проникновение в отдел Р ГУР Украины стало для ЦРУ серьезным успехом. Американцы получили большой массив информации о темных делишках капитанов советского ВПК в девяностых и начале нулевых, о незаконных сделках с оружием и комплектующими.

Следовательно, у них появились отличные возможности для шантажа.

Сразу после Оранжевой революции отдел Р не без влияния ЦРУ по факту превратился в управление со штатной численностью не менее двухсот пятидесяти человек и начал вести обычную разведывательную деятельность против России. Все собранные данные передавались США. Скорее всего, американцы и финансировали этот отдел напрямую, обходя руководство ГУР.

Прекращение деятельности отдела Р было одним из условий поддержки Виктора Януковича со стороны России. У нас считалось, что он выполнил это требование. Конечно, вред нашей стране уже был нанесен. Наивно полагать, что такая структура, как отдел Р, растворится в воздухе. Скорее всего, ее костяк проявится в «Укрспецэкспорте», главном украинском поставщике оружия, или создаст свою структуру. Но теперь получалось, что отдел Р восстановлен и по-прежнему работает против России. Там знают, кто такой Лазарь.

– Что хотел Комар от тебя?

– А сам как думаешь?

Я улыбнулся:

– Лазарь, на представителя богоизбранного народа ты не тянешь. Говори!

– Их интересовала возможность... активных мероприятий.

– Москва?..

– Нет. Ростов, Грозный.

Ясно. С козырей пока заходить не рискуют. Но все впереди.

– А ты что им сказал?

– Послал я их, короче.

- И вышел живым?

- Комар не дурак. Я тоже.

Ясно. Скорее всего, Комар понимал, что если Лазарь не выйдет с Рыбальского острова, то многим будет плохо.

Будут теракты и политические убийства. Люди, что-то значащие в этом мире, не знают сантиментов, но отлично понимают, что никто не должен уйти безнаказанным.

- И как ты сейчас?

Лазарь пожал плечами, а я заметил:

- Не время, Лазарь. Надо определяться. Или - или. Быть своим для всех - так уже не выйдет. Этим ты не проживешь. Как настоящее имя Комара? Давай, Лазарь, решай.

- Московенко, - недовольно сказал Лазарь. - Дмитрий Всеволодович.

- Это он громил прислал по мою душу?

Лазарь пожал плечами:

- Не знаю. Скорее всего, он.

Наверняка так оно и было. После того как с Лазарем не вышло, этот самый пан Московенко правильно сообразил, что ГРУ рано или поздно выйдет на Лазаря, и потому оставил в адресе группу. Ошибся он в двух вещах. Точнее сказать, это была не ошибка, просто объективные ограничения.

Во-первых, ресурсы у него были не безграничны, и он выделил только троих, причем не профессионалов, а простую шпану, специализирующуюся на грязных делишках и поденщине. Три человека, готовые применять насилие, - вполне достаточно для кого-то. Их хватило бы и для меня, если бы кастет не скользнул. Во-вторых, этот умник думал, что в адрес пошлют какого-то ботаника

для проверки. А пришел туда я.

- Вопрос, Лазарь. Что с переворотом? Когда он будет?

Тот пожал плечами и ответил:

- Когда будет, тогда и будет. Знаешь, Петренко совершил большую ошибку. У него нет ни одного силовика, в доску своего. Теперь он гол как сокол. А не убрали его еще по двум причинам. Первая: после ликвидации президента пауки в банке перегрызутся меж собой, и все это понимают. Вторая: два переворота за пару лет - это слишком. Денег не дадут. Так что не знаю. Это не тут решают.

- А в Вашингтоне?

Лазарь понимающе улыбнулся. Эта его гримаса была похожа на след от лезвия ножа.

Да, ошибся местный фюрер. Хотя какой он фюрер... так, не пришей кобыле хвост. У него действительно нет ни одного в доску своего силового министра. Сейчас идет грызня между МВД под командованием бывшего харьковского губернатора и СНБО, контролирующего армию и большую часть незаконных вооруженных формирований Майдана. Глава СНБО - тот самый Кровавый Пастор, убийца, разжигатель войны на Донбассе, проповедник баптистской секты. В молодые годы, конечно же, - секретарь райкома комсомола.

Обе силы примерно равны. Наверняка именно поэтому переворота до сих пор и нет. Как только одна из сторон его устроит, другая тотчас присоединится к президенту и поможет ему подавить мятеж. Это будет выгодно с точки зрения ликвидации конкурентов и выставления себя перед иностранными спонсорами проекта «Украина не Россия» как твердых государственников и законников.

В иные времена однозначно выиграла бы армия, тем более что к ней прибилась еще и глава службы безопасности. Но сейчас национальная гвардия, представляющая собой бывшие внутренние войска, усиленные территориальными батальонами, по возможностям почти что равна армии, а может, и сильнее. Нацгвардейцы стоят на передовой АТО, имеют боевой опыт.

Может быть, бывший харьковский губернатор, любитель мальчиков по вызову, и рискнул бы, но изъян есть и в его строю. Я говорю о Майдане. На площадях сейчас тихо, но он есть. И его мнение почти однозначное. Майдан стоит за Кровавого Пастора. А это нельзя не брать в расчет в Украине две тысячи шестнадцатого года.

Но и ты кое в чем ошибаешься, Лазарь. Есть у вашего презика силовой ресурс. А если пока и нет, то вот-вот может появиться. И ресурс этот называется ГРУ.

- Мне нужна снайперская винтовка, Лазарь. Желательно с глушителем.

- Сделаем.

- И скажи-ка мне, где живет Московенко.

Украина, Полесье

05 марта 2016 года

Говорят, на земле был Бог,

Говорят, он учил добру...

Трофим

Мишень едва виднелась в прицеле из-за холодного сырого тумана, стелющегося над землей и не желающего уходить. Одежда была мокрой от пота и сырого снега, пропитанного водой. Свитер едва грел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/afanas-ev_aleksandr/diversiya-vysochayshego-urovnya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)